

СТРАХ БЫТЬ СЪЕДЕННЫМ

Дэйл Микелл

В начале июля 2002 г. поступило сообщение о том, что в Хабаровском крае, на Сукпае, тигр напал на человека. В этом году это уже второй случай нападения тигра на человека, первый инцидент произошел в феврале этого года на юго-западе Приморья. Слава Богу, все остались живы. На момент написания данной статьи мы практически ничего не знаем о происшествии в Хабаровском крае, но данный инцидент, также как и упомянутое нападение тигра на Сергея Соколова, несомненно, будет широко освещаться в местных средствах массовой информации. Сначала появятся краткие сенсационные сообщения с минимумом конкретной информации. Затем, по мере поступления данных, в газетах будут напечатаны статьи, об инциденте, возможно, сообщат в теленовостях. Затем появятся отчеты об официальном расследовании, которое сейчас проводит Группа «Конфликтный тигр» вместе с сотрудниками Проекта «Амурский тигр» Общества сохранения диких животных. Затем появятся заявления местных охотников, и возможно, биологов и чиновников о том, что слишком много развелось тигров, и что они стали слишком опасны. И снова зазвучат призывы к действиям.

Это обычная реакция, достаточно предсказуемая (не только в России, но и во всем мире), когда крупные хищники нападают и иногда убивают людей. Нас ужасает перспектива быть съеденными. С тех пор, как наши далекие предки спустились с дерева, мы стали необычайно легкой добычей для диких животных. В отличие от других потенциальных жертв, которые могут быстро бегать, имеют клыки, рога и другие средства обороны, мы, люди, голы и беззащитны, если поблизости нет дерева, на котором можно укрыться. У нас есть лишь наша врожденная сообразительность, но очень часто ее просто недостаточно, чтобы справиться с атакой разъяренного тигра, медведя, крокодила или льва.

Наверное, наши предки воспринимали возможность быть съеденными как неизбежность, но современные люди совершенно с этим не согласны. Статьи в местных газетах о нападениях тигров всегда ужасают нас и привлекают наше внимание, и к ощущению страха часто примешивается возмущение и негодование – мы считаем, что ни одно животное не имеет права нападать, а тем более убивать и съедать человека. Поэтому возникает такая реакция, и появляются призывы к действиям. По сути, мы вывели себя из естественной пищевой цепи, мы считаем, что мы особенные – не такие как остальные животные, обитающие на нашей планете. За исключением охотников, мы не считаем себя ни хищниками, ни жертвами. Охотники же, которые рассматривают себя как часть пищевой пирамиды, представляют себя лишь ее вершиной – я никогда не встречал ни одного охотника, который бы поставил себя на ее нижний уровень, в частности в качестве потенциальной добычи более крупного и сильного хищника.

Мы, современные люди, живущие в городах, пользующиеся машинами, запирающие на ночь двери наших квартир на замок, мы отделили себя от мира природы. Мы считаем, что мы поднялись над миром животных и достигли высшей сферы, где понятие «или ты съешь, или тебя съедят» уже не определяет нашу жизнь, что это скорее метафора, относящаяся к сфере бизнеса и торговли. Как еще объяснить чувство негодования и желание во что бы то ни стало отомстить, когда тигры, медведи или львы делают то, что они делали веками – охотятся, убивают и едят других, более слабых животных. Почему хулиганские выходки, грабежи и убийства, которые ежедневно происходят в наших городах, не получают такое освещение в прессе, как нападение тигра? Почему большинство людей уже привыкли к тому, что мафиозные убийства стали частью нашей жизни здесь, в России, и считают это просто «издержками грязного бизнеса», зато мысль о том, что кто-то из нас может стать жертвой тигра или медведя кажется такой ужасной и возмутительной? В сущности, почему считается, что человек может убить другого человека, а животное не может? Я могу только предположить, что причина кроется в том, что мы считаем себя подобными Богу, что мы лучше, выше и вообще находимся за пределами царства животных, с которыми мы делим одну планету. Как мы знаем из греческой мифологии, только другие «боги», имеющие такой же статус, имеют право или возможность нападать и сражаться с богоподобными существами.

В конце концов, отделенные от мира природы, мы не чувствуем, что должны защищать его, мы не ценим этот мир, и поэтому с такой легкостью вырубаем, добываем, стреляем и пожинаем. Библия, как ее понимают многие, говорит о том, что Бог создал мир для человека, и мы, представители западной цивилизации, делаем все возможное, чтобы эксплуатировать этот мир как мы хотим, не взирая на последствия для целостности экосистемы, сохранения биоразнообразия или сохранения видов. Претворяя в жизнь слова Господа, как многие, возможно, думают.

Однако существуют еще места, такие как Дальний Восток России, где еще сохранилась дикая природа, где бродят тигры и медведи, где правят законы природы и где еще возможны нападения животных на человека. К сожалению, такие инциденты в основном не зависят от количества тигров или медведей – это просто несчастные случаи, когда человек оказался в ненужном месте в ненужное время и попал в такую ситуацию. Часто существуют объяснения такого поведения животных – тигр

умирает от истощения или ранен, охотник случайно подошел слишком близко к тигрятам или медвежатам или внезапно столкнулся с ничего не подозревающим хищником, - а иногда это просто невезение. Утверждение, что развелось слишком много тигров и поэтому они нападают на людей – просто миф: до тех пор, пока будет хоть один тигр, живущий своей жизнью в дикой природе, будет существовать вероятность того, что если вы войдете в эту дикую природу, вас могут съесть. Исключить такой риск довольно просто – надо убить всех тигров и всех медведей. И тогда вы будете ходить в Уссурийскую тайгу без всякого страха, что вас может убить крупный хищник. Хотя в этом случае, это уже будет не Уссурийская тайга, а нечто неизмеримо меньшее.

Есть среди нас те, кто остро чувствует, что нам, людям, нужна дикая природа с тиграми, медведями, крокодилами и львами, чтобы напоминать о нашей связи с природой, чтобы мы чувствовали свою беззащитность перед более мощной силой, чтобы понимали нашу связь с остальными живущими на этой планете существами, чтобы, в конце концов, мы могли осознать, как много мы можем потерять, если все это будет разрушено, и понять, какие последствия наступят для нас самих, если природные экосистемы исчезнут. Если мы, люди, хотим выжить, мы должны прекратить непрерывно и неразумно эксплуатировать природные системы. Нам нужно снова стать частью природы и перестать думать, что мы вознеслись над ней и она больше не нужна нам. И чем быстрее мы пересмотрим свое отношение к миру природы, тем выше наши шансы на выживание. Поэтому присутствие тигров и медведей – для нас нечто вроде проверки. Нам нужны эти хищники как напоминание о нашей связи с дикой природой и о той ответственности, которую мы несем за мудрое управление природными богатствами, за все живое.

Никто – и я в том числе – не хочет подвергнуться нападению тигра и быть съеденным им, и существует довольно много людей, которые не согласны с тем, что в Приморском и Хабаровском краях нужно так много тигров. Мы обязаны свести к минимуму тот риск, которому подвергается каждый человек, который по служебной необходимости, или по собственному желанию находится в тайге. Люди должны знать как вести себя в лесу, как сократить риск нападения хищников на домашних животных, и что делать при встрече с дикими животными. Всегда должна быть команда специалистов, готовых разрешить конфликтную ситуацию быстро, профессионально, заботясь в первую очередь о здоровье и благополучии человека. Но пока есть хотя бы один тигр в тайге, риск всегда будет. Согласны ли жители Приморья и Хабаровского края принять этот риск как плату за сохранение самой сущности Уссурийской тайги? Именно эту тему продолжает обсуждать общественность на страницах «Зова тайги» и других печатных изданий. Как ответить на этот вопрос – еще только предстоит решить. Я знаю только, что лично я готов принять этот риск. С перцовым баллоном и фальшфейером в руках я буду защищать себя изо всех сил, если тигр или медведь захочет пообедать мной, но я согласен с этим риском и принимаю его – по сути, он нужен мне – как напоминание о том, кто я есть, и что я есть. Без этого риска я боюсь, что мы, люди, потеряем что-то очень дорогое и значимое для сущности нашего бытия и для нашей связи со всей дикой природой.